

DOI: 10.17516/1997-1370-0927

EDN: TWOCXT

УДК 37.032+316.4.066

Anthropoecology of Sustainable Development and Intelligence as an Adequate Response of Higher Education

Maksim V. Kochetkov^{*a, b} and Olga G. Smolyaninova^b

^a*Fedorovsky Polar State University*

Norilsk, Russian Federation

^b*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 08.02.2022, received in revised form 02.06.2022, accepted 30.06.2022

Abstract. The relevance and content of the anthropo-ecological integrating core of the conceptual foundations of sustainable development in order to resist the ideology and social practice of transhumanism are substantiated. In this regard, the efforts of the UN and all countries of the world should be aimed at preserving man as a biological species, as well as the bearer of the best examples of culture and spiritual principles. The necessity of such restrictions for anthropoinnovations, which favor the preservation of a person in his established spiritual and bodily integrity, is substantiated. Anthropoinnovations primarily mean those manifestations of digitalization of a wide range of areas of human activity that potentially restrict his rights and freedoms, neutralize human subjectivity in artificial intelligence. In the educational context, in this regard, the expansion of humanization and humanitarization, psychological and pedagogical support of the social practice of the mentally-bodily and morally oriented existence of a person is relevant. Of particular importance is the formation of the meta-quality of intelligence among the subjects of educational activity, taking into account humanistic values, passionarity, professional and managerial competence, as well as the cultural and spiritual significance of its bearers for the development of society.

Keywords: intelligence, spirituality, passionarity, digitalization, cyborgization, transhumanism, anthropology, ecology, UN.

Research area: pedagogy.

Citation: Kochetkov, M.V., Smolyaninova, O.G. (2022). Anthropoecology of sustainable development and intelligence as an adequate response of higher education. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(9), 1269–1278. DOI: 10.17516/1997-1370-0927



Антропоэкологичность устойчивого развития и интеллигентность как адекватный отклик высшего образования

М.В. Кочетков^{а,б}, О.Г. Смолянинова^б

^аЗаполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского
Российская Федерация, Норильск

^бСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Обоснованы актуальность и содержание антропоэкологического интегрирующего стержня концептуальных основ устойчивого развития с тем, чтобы противостоять идеологии и социальной практике трансгуманизма. В связи с этим усилия ООН и всех стран мира должны быть направлены на сохранение человека как биологического вида, а также носителя лучших образцов культуры и духовных принципов. Показана необходимость таких ограничений для антропоинноваций, которые благоприятствуют сохранению человека в его сложившейся духовно-телесной целостности. Под антропоинновациями подразумеваются прежде всего те проявления цифровизации широкого спектра направлений человеческой деятельности, которые потенциально ограничивают его права и свободы, нивелируют человеческую субъектность в искусственном интеллекте. В образовательном контексте в связи с этим актуально расширение гуманизации и гуманитаризации, психолого-педагогического сопровождения социальной практики душевно-телесного и нравственно ориентированного существования человека. Особую значимость приобретает формирование у субъектов образовательной деятельности метакачества интеллигентности с учетом гуманистических ценностей, пассионарности, профессионально-управленческой компетентности, а также культурной и духовной значимости его носителей для развития общества.

Ключевые слова: интеллигентность, духовность, пассионарность, цифровизация, киборгизация, трансгуманизм, антропология, экология, ООН.

Научная специальность: 5.8.1 – общая педагогика, история педагогики и образования.

Введение

Достижение прорывных инновационных изменений как никогда актуально для России (Kochetkov, 2015). От этого во многом зависит сохранение российской государственности на фоне обострения внутригосударственных и межгосударственных экономических, политических и социально-культурных противоречий. Поэтому реформирование высшего образования (ВО) расширилось задачей создания активизирующих условий для инновационных изменений в экономике и социальной сфере общества (Babintsev et

al., 2016; Trubnikova, Trubnikov, 2018; Kim, 2015).

Постоянно нарастающий темп обновления профессионального знания сопровождается цифровизацией как универсальной тенденцией инноваций. Сказанное справедливо и в отношении антропоинноваций: среди направлений модернизации человека как биологического существа (киборгизация, геномное и фармацевтическое модифицирование и пр.) интеграция с искусственным интеллектом всё чаще выступает не только как самостоятельное, но и как сопутствующее направление.

Интеграция с искусственным интеллектом (детерминирована цифровизацией) наиболее существенным образом влияет на утрату человеком его субъектности. На идеологическом плане отмеченные антропологические вызовы, прежде всего слияние человека с искусственным интеллектом, во многом подпитываются теорией и социальной практикой трансгуманизма (Avdeeva, Kochetkov, 2022; P'in, 2018; Kochetkov, Avdeeva, 2021).

Безудержное научно-технологическое преобразование мира и самого человека, безусловно, нуждается в сдерживающих и уравнивающих факторах. Одним из них является концепция *устойчивого развития*, которая уже продемонстрировала немалый потенциал, находя отражение в национальных программах развития многих государств-членов ООН, в работающих механизмах влияния на производственную политику практически всех заметных на мировом экономическом фоне структур.

Целью настоящего исследования служит обоснование острой актуальности *антропоэкологической интегрирующей задачи* устойчивого развития соответствующих актуальных качеств субъектов образовательной деятельности, где интегрирующим выступает интеллигентность.

Методы

Материалами исследования послужили научные работы современных учёных по проблеме устойчивого развития, а также соответствующие нормативные правовые документы. Актуальные тенденции развития концептуальных основ устойчивого развития представлены в логике факторного анализа. В ходе обоснования актуальных качеств преподавателя и студента основной упор сделан на компетентностном подходе, что справедливо рассматривать как своеобразный факторный метод. Это связано с тем, что компетентностный подход является ведущей образовательной парадигмой в российском образовании. Поэтому исследование проблем в дискурсе компетентностного подхода придаёт результатам исследований определённую «весовую» значимость. Также при выявлении актуальных качеств ключевое внимание

уделено позиции наиболее авторитетных учёных, что коррелирует с сущностными особенностями экспертного подхода.

Обсуждение

Устойчивое развитие как мировой тренд подразумевает обеспечение *здорового и благополучного существования человек в интересах грядущих поколений*.

История становления методологических основ концепции устойчивого развития связана с тем, что вначале внимание уделялось решению *экологических* проблем (Sorokina, 2017), то есть тому, как обеспечить сохранение природы и одновременно рост благосостояния жителей планеты, удовлетворить их потребности в комфортном проживании. Поэтому устойчивое развитие в практической плоскости ориентировалось на стабилизацию выбросов парниковых газов в атмосферу, решение проблем развития сельского, лесного хозяйства, охрану генетического, видового и экосистемного разнообразия.

С 80-х гг. XX в. существенно расширяется понимание составляющих устойчивого развития человечества. К рубежу XX–XXI вв. ООН, при достаточно активном участии представителей Российской Федерации, определяет Цели развития тысячелетия (Transforming our world ... n.d.). Они включают в себя обеспечение всеобщего начального образования, ликвидацию бедности и голода, содействие равноправию полов и защите прав женщин, улучшение охраны материнского здоровья, сокращение детской смертности, борьбу с ВИЧ, формирование партнерства в целях устойчивого развития, обеспечение экологической устойчивости.

Таким образом, проблемы социального плана существенно расширили спектр проблематики устойчивого развития: наряду с экологией стали выделяться *охрана здоровья людей, удовлетворение первоочередных потребностей населения в странах с низким уровнем душевых доходов* (Nashe obshchee budushchee ..., 1989).

Следующим этапом стало существенное внимание правам и свободам граждан в их целостном рассмотрении с социально-экономическим и экологическим благопо-

лучием. Одним из базовых выступил принцип удовлетворения потребностей человека, а заглавными признаками *неустойчивости* стали считаться *экологическая деградация, экономическое неравенство, социальная нестабильность, нарушение гражданских прав и свобод населения* (Vol'shakov, 2011).

Принципы устойчивого развития были определены на состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию (UNCED) (Declaration of the UN ... n.d.). На конференции UNCED обозначены основы первой стратегии устойчивого развития общества, которые нашли отражение в докладе «Повестка дня на XXI век» (The agenda for ... n.d.). В первоначальной стратегии особое внимание уделялось управленческим инструментам стратегического планирования (Sorokina, 2017: 71). Правительствам также рекомендовалось *согласовать экономические, социальные, а также экологические дискурсы своих национальных стратегий* в целях создания условий социально ориентированного экономического роста (The agenda for ... n.d.). Отмеченные рекомендации остаются в силе и по сей день, им активно следуют практически все страны – члены ООН, что справедливо и в отношении Российской Федерации.

На 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (25 сентября 2015 г.) на период с 2016 по 2030 гг. были приняты Цели в области устойчивого развития (**ЦУР**) (англ. *Sustainable Development Goals – SDGs*), которые и определяют в настоящее время приоритеты изменения мирового сообщества (Transforming our world ... n.d.). ЦУР, в частности, затрагивают проблемы устойчивого развития городов, формирования глобального партнерства в интересах устойчивого развития мирового сообщества, внедрения «всеохватывающей и устойчивой индустриализации», а также обеспечения *инноваций*.

Одна из семнадцати задач ЦУР, под номером 9, заслуживает особого внимания: «Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций» (About the Sustainable ... n.d.). Необходимость инноваций в их рядоположенности

со «всеохватной и устойчивой индустриализацией» весьма дискуссионна, так как многие современные инновации абсолютно антагонистичны всеохватной и устойчивой индустриализации. Внутренняя противоречивость 9-ой задачи ЦУР устраняется в том случае, если *инновации* рассматривать как *средство* устойчивой индустриализации, что полностью согласуется с остальными задачами ЦУР.

Отмеченный подход позволяет совсем по-другому посмотреть на антропоинновации, актуализируя в качестве интегрирующей цели и задачи антропоэкологический вектор концептуальных основ ЦУР, призванный противодействовать деструктивным проявлениям антропоинноваций.

Антропоинновации (киборгизация, интеграция с искусственным интеллектом, генная, фармацевтическая, ГМО-детерминированная модификация человека, клонирование) в долгосрочной перспективе потенциально способны «аннулировать само человечество и его проблемы» (Rakitov, 2018), а в среднесрочной – создают для представителей элиты не только колоссальные преимущества в профессиональных компетенциях, но и неограниченные возможности контроля над «служебными» людьми (Rakitov, 2018; Bolonkin, 2007).

В контексте ЦУР антропоинновации в их сложившихся тенденциях развития уже существенно противоречат сразу нескольким задачам: угрожают самому человеку как биологическому виду (15 задача), усиливают неравенство внутри стран и между ними (10 задача), угнетают проявления субъектности человека, потенциально ограничивают все его права и свободы (16 задача).

В идеологическом плане, как отмечалось ранее, антропоинновации основаны прежде всего на трансгуманизме. По замыслу трансгуманистов, человек может преодолеть страдания, болезни, старение и, наконец, удовлетворит, пожалуй, самое большое желание – бессмертие – благодаря «загрузке сознания» в искусственно созданное тело (Rakitov, 2018; Bolonkin, 2007) (клонированно-биологическое, механическое, облачное, голографическое и т.п.). И тогда

откроется путь к бесконечному машинному прогрессу. Сказанное справедливо было бы интерпретировать как один из многих маловероятных и достаточно иллюзорных вариантов развития общества, если бы не четыре существенных момента.

Во-первых, в условиях мировоззренческого вакуума трансгуманизм, опирающийся на современный научно-технический прогресс, становится очень популярным в молодёжной и в образовательной среде (Katasonov, 2017). *Во-вторых*, это течение остаётся фактически единственной официально признанной идеологией, которая обещает человечеству поступательное развитие (Katasonov, 2017). *В-третьих*, это течение незаметно проникает и изменяет национальные системы образования, во всяком случае это полностью справедливо в отношении России (Kochetkov, Kovalevich, 2020). И, *в-четвёртых*, происходит взрывообразное развитие технологического прогресса в данном направлении, а также имеет место высокая соответствующая заинтересованность властей.

По замечанию В. Н. Катасонова, *на основе только гуманистического материалистического мировоззрения противодействие трансгуманистическому движению обречено на неудачу*. Это детерминировано тем, что в позитивистской парадигме феномен сознания человека вполне ограничивается деятельностью мозга. Поэтому в стремлении технического прогресса к прямой загрузке человеческого сознания в замещающий человека машинный комплекс не усматривается ничего, угрожающего человеку (Katasonov, 2017).

Только характерное для религиозного мировоззрения понимание значимости души для подлинного человеческого существования делает указанное устремление абсурдным и угрожающим (Katasonov, 2017). Оставление душой человеческого тела для традиционных верований означает смерть человека, *именно душа является глубинным источником человеческого сознания, эмоций, поведения*. Иными словами, глубинные ресурсы сознания в принципе недоступны информационному моделированию. Вот в чём состоит ключевой барьер для экспансии трансгуманистиче-

ской идеологии: *«Киборги и постчеловеки, построенные на базе современных научных технологий, будут всегда ниже человека в смысле его высших духовных способностей – творчества, нравственного и морального сознания, восприятия красоты, веры, надежды, любви... Поэтому пропагандируемая трансгуманистами «эволюция» человека к постчеловекам – киборгам, а фактически, замена человека постхьюманами-киборгами будет всегда не развитием, а дегенерацией человека, потерей им тех божественных даров, которые невозможно моделировать в рамках информационных технологий»* (Katasonov, 2017).

Таким образом, исключительно актуальна эволюция концепции устойчивого развития и соответствующие усилия всех государств в антропоэкологическом направлении, когда в качестве заглавной задачи выступает сохранение самого человека в его душевно-телесной целостности в условиях нарастающей стрессогенности жизни в современном обществе, неудержимого технологического прогресса, прежде всего цифровизации, которая становится инструментом утраты свободоспособности многочисленных социальных групп населения, благоприятствует растворению человеческой субъектности в искусственном интеллекте.

Как отмечалось ранее, Российская Федерация всегда активно участвовала в деятельности ООН и её структур по развитию концепции устойчивого развития и внедрению последней у себя в стране. В отношении претворения в практику положений концепции справедливо упомянуть в первую очередь социально ориентированные национальные проекты. Производственной сфере и её технологическому потенциалу на уровне концептуальных документов развития страны также уделяется ключевое внимание. В плане развития информационных систем, цифровизации всех сфер развития общества, действительно, ощущаются значительные практические результаты. Их влияние пока что не достигло критической черты ограничения прав и свобод населения (судя по общественному мнению и дискурсу научных публикаций на эту тему).

Существенное внимание в российском обществе отведено и духовному фактору. Так, в Указе Президента от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об Утверждении Основ государственной культурной политики» экономическое процветание рассматривается в причинной взаимосвязи с культурным и гуманитарным развитием, гуманным отношением к человеку.

Однако в целом, несмотря на некоторые позитивные моменты, реалии российского социума вряд ли позволяют говорить о его устойчивом развитии, в том числе и в антропоэкологическом аспекте. Тенденции развития, прежде всего темп цифровизации всех сфер общественной жизни, свидетельствуют о нарастающем антагонизме инноваций по отношению к актуализированному нами антропоэкологическому направлению эволюции концептуальных основ ЦУР.

Недопущение нарастания отмеченного антагонизма составляет сложнейшую социально-политическую и экономическую проблему. Вряд ли в настоящее время и в будущем её решение возможно без определённых существенных усилий общественности, в связи с чем логично обратиться к системе образования, учитывая её опережающий характер в формировании нужного обществу гражданина.

Даже достаточно бегло знакомясь с педагогическими публикациями, нетрудно заметить, что неизменно высокую привлекательность для исследователей всегда составляла нормативная модель качеств субъектов образовательной деятельности. Проведённое исследование привело нас к неутешительному выводу – несмотря на огромную многоаспектность составляющих многочисленных моделей, они не адекватны антропоэкологическим вызовам времени, антропоэкологической задаче как главенствующему целеполаганию ЦУР.

Вот один из примеров требований к современному *специалисту в области образования*: он должен быть модератором; разработчиком образовательных траекторий; тьютором; организатором проектного обучения; координатором образовательной онлайн-платформы; ментором стартапов; игромастером; игропедагогом; тренером

по майндфитнесу; разработчиком инструментов обучения состояниям сознания (Polupan, 2017: 46).

Касательно же конкретно *преподавателя высшей школы*, то у него должны быть сформированы следующие профессиональные компетенции: «системное мышление; умение изобретать методические инновации; способность применять необходимые технологические приёмы в зависимости от формируемой компетенции, от этапа её формирования, от содержания дисциплины (модуля); умение внедрять и использовать игровые тренинги или их элементы; владение мультикультурной коммуникацией (не менее двух языков); интеграция научных исследований в образовательный процесс в быстроменяющихся условиях; персональная ответственность за результат обучения; высокий уровень сформированности коммуникативных навыков; владение технологией управления проектной деятельностью; умение использовать во внеаудиторной работе онлайн-курсы, онлайн-платформы для обогащения учебного пространства; знание профессиональных стандартов и ориентированность на «заказ потребителя»; навыки формирования индивидуальной траектории и организации опережающей подготовки; планирование карьерного роста и профессионального развития; оперативное реагирование на изменения в структуре профессиональной деятельности» (Polupan, 2017: 47).

Из других источников следует ещё обязательно добавить способность преподавателя не только к разработке современной производственно и социально ориентированной инноватики, включая патентование и публикацию в высокорейтинговых изданиях, но и развитие пространства «вуз – инновационное производство» с такой предпринимательской компетентностью, которая обеспечила бы высокую прибыль инновационных товаров и услуг, вовлечение во всё перечисленное студентов, в том числе иностранных.

Среди необъятного перечня обоснованных для преподавателя и студента актуальных компетенций и компетентностей, безусловно, можно найти те, которые коррелируют с антропоэкологическим аспектом ЦУР. Одна-

ко мы считаем, что такая корреляция должна быть выраженной, она должна «пронизывать» все направления деятельности преподавателя, оттенять все его качества.

Спектр компетентностных моделей преподавателя и студента за последние двадцать лет расширился настолько, что его анализ составляет сложнейшую исследовательскую задачу. Оставим без комментариев внутреннюю противоречивость и соответствие реальным условиям для профессиональной деятельности подобных нормативных моделей. Ведь достаточно очевидно, что преподаватель просто не в состоянии проявить себя во всех направлениях деятельности идеальным образом, да и сложно ожидать в реальной жизни от кого-то идеальных качеств. Сказанное актуализирует разработку таких нормативных моделей педагога, которые характеризуются иерархичностью значимости его характеристик, некими интегрирующими составляющими, метаориентирами изменения индивида, его качеств, способностей, компетентностей.

Понятия «качества», «способности» и «компетентности» синонимичны. Их отличие кроется в коннотациях. Так, понятие компетентности сегодня в отечественном образовании прочно ассоциируется с *компетентностной образовательной парадигмой*. Федеральные государственные образовательные стандарты, весь образовательный процесс с его принципиальной ориентацией на диагностируемость и регламентированность базируются именно на компетентностях и компетенциях. Понятно, что указанное долженствование нередко весьма условно и многие специалисты осознают его принципиальную нереализуемость, когда речь идёт о духовно-эмоциональных качествах, в связи с чем и появились так называемые *гибкие (или мягкие) навыки* (англ. *soft skills*). Не случайно они характеризуют прежде всего *надпрофессиональные* навыки, то есть не связаны с узкопредметной областью деятельности тех же преподавателя и студента.

Учитывая эвристический потенциал надпрофессиональных компетенций и компетентностей, мы решили сфокусировать исследовательское внимание исключительно

на *метакачествах* преподавателя и студента. Именно они призваны придать нормативным моделям специалиста в области образования, в том числе представленным ранее, новое осмысление, связанное с актуальными вызовами времени. При этом исходным стал следующий тезис чл.-корр. РАО Р. М. Асадуллина: «... компетенции – это всего лишь внешнее выражение способностей человека и качеств его как личности. Существуют более фундаментальные качества людей и жизненные установки, которые выражают направленность компетенций и силу их выражения» (Asadullin, 2019: 110).

Таким требуемым качеством, на наш взгляд, в условиях инновационно-ориентированной социокультурной реальности, в том числе антропоинноваций, является *интеллигентность*.

Академик РАО Д. С. Лихачёв считал понятие интеллигентности чисто российским, при этом отмечая, что содержание его имеет преимущественно ассоциативно-эмоциональную основу (Lihachev, 1993), обусловлено умственным трудом и «умственной порядочностью», профессионализмом, широкой образованностью, творчеством, силой духа и непродажностью во всех отношениях (включая идеологическую конъюнктуру и экономические выгоды), свободой как нравственным устоем («не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли») (Lihachev, 1993). Отмеченные характеристики согласуются с тем, что «в основе интеллигентности как личностного качества лежит сочетание ценностного отношения к жизни, восприимчивости ко всему новому, толерантность к инаковому, социальная ответственность» (Kazakov, 2015: 48).

Интеллигентность тесно связана с устоявшимися гуманистическими ценностями, пассионарностью в её неотделимом единстве с интеллектом, культурой и управленческо-профессиональными характеристиками представителей общества. Именно данные проявления интеллигентности в условиях существенной неопределённости прогнозов на будущее, а также современные тенденции открытого многоуровневого описания социокультурных процессов могут способствовать

выявлению и устранению многих деструктивных явлений (*античеловеческие инновации, коррупция, бедность населения, неравенство перед законом, выраженная несправедливость при распределении общественных благ и национальных ресурсов, катастрофическая экологическая ситуация, бездуховность, утрата традиций и национально-культурных достижений, самобытности, экономической самодостаточности*).

Интеллигентность как метакачество по отношению к иным профессионально-личностным качествам преподавателя и студента релевантна позиции многочисленных учёных относительно того, что основу интеллигентности составляет признание человека в качестве высшей ценности. А это, по мнению Л. А. Келеман, наделяет интеллигентность универсальным смыслом (Keleman, 2014), как раз и центрирующемся на самооценности человека, всей совокупности его телесно-душевного бытия, что является принципиальным моментом в противодействии трансгуманистическим тенденциям в обществе.

Концептуальное осмысление интеллигентности как желаемого метакачества преподавателя и студента предполагает соответствующие трансформации социокультурной среды как на уровне учебных заведений, так и на уровне социального пространства страны. Не вдаваясь в исследование состояния и перспектив существования такой среды, отметим, что в настоящее время, по мнению ряда учёных, социокультурная среда вуза пока ещё сохраняет в себе потенциал развития преподавателя и студента согласно тем характеристикам, которые связаны с интеллигентностью (Babincev, 2014). Противодействующее влияние оказывают псевдоинновационные явления в вузе (Kochetkov, 2014), формализация и унификация вузовской среды, бюрократизация деятельности преподавателя и студента (Babincev, 2014), прагматизация их отношений, что, в частности, согласуется с положениями ФЗ «Об образовании», согласно которому деятельность препода-

вателя отнесена к сфере услуг (Kochetkov, 2017).

Выводы

Становление концептуальных основ устойчивого развития, практика реализации странами – членами ООН соответствующих целей и задач оказывают в настоящее время существенное влияние на мировые экологические, социально-политические и экономические процессы. Нарастающий темп научно-технического прогресса в условиях жёсткой конкуренции между странами, транснациональными образованиями, культурами, идеологиями актуализирует в отношении социальных и производственно ориентированных нововведений эффективные сдерживающие и гармонизирующие механизмы. Особую угрозу будущему человечества представляет инноватика на основе идеологии трансгуманизма, прежде всего цифровизация всех сфер жизни общества, особенно её влияние на «растворение» человеческой субъектности в искусственном интеллекте.

В связи с этим актуальна эволюция концептуальных основ устойчивого развития, активизация соответствующих усилий ООН и всех стран мира в антропоэкологическом направлении (ему свойственны самооценность человека в его телесно-духовной целостности в соответствии с лучшими образцами культуры, устоявшимися гуманистическими традициями, высокими духовными принципами). Интегрирующим качеством преподавателя и студента вуза, которое соответствует антропоэкологическим тенденциям изменения концептуальных основ устойчивого развития, выступает интеллигентность. Интеллигентность в обществе проявляется в пассионарности гражданина, его гуманистически ориентированных акцентуациях поведения, высокой профессионально-управленческой компетентности, свободоспособности, а также социальной и духовной значимости носителей данного качества для представителей рассматриваемого социума.

Список литературы / References

- About the Sustainable Development Goals. (n.d.) Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (accessed 08 February 2022).
- Asadullin, R. M. (2019). Ob innovacionnom soderzhanii sub'ektno-orientirovannogo pedagogicheskogo obrazovaniya [About the innovative content of subject-oriented pedagogical education]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 28(10), 106–117. DOI: 10.31992/0869–3617–2019–28–10–106–117
- Avdeeva, E. A., Kochetkov, M. V. (2022). Chelovekoorientirovannyj smyslovoj diskurs v teorii i praktike obrazovaniya [Human-oriented semantic discourse in the theory and practice of education]. In *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of education]*, 22(1), 23–31.
- Babincev, V. P. (2014). Byurokratizaciya regional'nogo vuza [Bureaucratization of a regional university]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2, 51–58.
- Babintsev, V. P., Sapryka V. A., Serkina Ya. I. & Ushamirskaya G. F. (2016). Reform of Higher Education in Russia: Habitus Conflict. In *European Journal of Contemporary Education*, 3(17), 284–294.
- Bolonkin, A. *Bessmertie lyudej i elektronnyaya civilizaciya (Sbornik statej, diskussij o putyah dostizheniya bessmertiya lyudej i budushchem chelovechestva)* [Immortality of people and electronic civilization (Collection of articles, discussions on ways to achieve immortality of people and the future of mankind)]. Moscow, Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury RGIU, 2007. 130.
- Bol'shakov, B. E. *Nauka ustojchivogo razvitiya. Kniga I: Vvedenie* [The science of sustainable development. Book I: Introduction]. Moscow, RAEN, 2011. 272.
- Declaration of the UN Conference (1992) on Environmental Protection and Sustainable Development. (n.d.) Available at: <http://www.un.org/russian//documen/declarat/riodecl.htm> (accessed 01 February 2022).
- Il'in, G. L. (2018). «Transgumanizaciya» sovremennogo obrazovaniya [«Transhumanization» of modern education]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 1 (219), 133–142.
- Katasonov, V. N. (2017). Novaya evolyucionnaya utopiya: transgumanizm [A New Evolutionary Utopia: Transhumanism]. In *Portal Bogoslov.Ru [The Theologian portal]*, november 08, available at: http://nffedorov.ru/w/images/9/9b/Katasonov_Novaja_jevoljucionnaja_utopija_-_transgumanizm.pdf
- Kazakov, I. S. *Invarianty informacionnoj kompetentnosti budushchego pedagoga kak osnova professional'nogo samoproektirovaniya: dissertaciya na soiskanie uchyonoy stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Invariants of information competence of the future teacher as the basis of professional self-design: dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences.]. Sochi, Sochinskij gosudarstvennyj universitet, 2015. 421.
- Keleman, L. A. (2014). Intelligentnost' kak ideologiya universal'noj moral'noj otvetstvennosti [Intelligence as an ideology of universal moral responsibility]. In *KANT*, 1, 100–102.
- Kim, I. N. (2015). Budushchee regional'nogo vuza v kontekste strategii razvitiya otechestvennogo obrazovaniya [The future of a regional university in the context of the national education development strategy]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 1, 20–29.
- Kochetkov, M. V., Avdeeva, E. A. (2021). Humanitarian reversing higher education in the Russian Federation in light of the transhumanist challenges. In *Philosophical Forum*, 52 (2), 103–114. DOI: 10.1111/phil.12288
- Kochetkov, M. V. (2015). Distancionnoe obrazovanie sdelael Rossiyu innovacionnoj? [Distance education will make Russia innovative?]. In *Vestnik vysshej shkoly (Almar mater) [Bulletin of the Higher School]*, 1, 7–10.
- Kochetkov, M. V. (2014). Innovacii i psevdoinnovacii v vysshej shkole [Innovations and pseudo-innovations in higher education]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 3, 41–47.
- Kochetkov, M. V. (2017). Obuchayushchij ili uslužhivayushchij? Razmyshleniya v svyazi s federal'nym zakonom «Ob obrazovanii v RF» [Teaching or serving? Reflections in connection with the Federal Law «On Education in the Russian Federation»]. In *Pedagogika [Pedagogy]*, 10, 62–68.
- Kochetkov, M. V., Kovalevich, I. A. (2020). Specific features of educational and pedagogical discourse in the context of anthropological challenges: socio-cultural approach. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(2), 268–277. DOI: 10.17516/1997–1370–0578

Lihachev, D. S. (1993). O russkoj intelligencii. Pis'mo v redakciyu [About the Russian intelligentsia. Letter to the editor]. In *Novyj mir [A new world]*, № 2, 3–9.

Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoj komissii po okruzhayushchej srede i razvitiyu [Our common future. Report of the International Commission on Environment and Development]. Moscow, Progress, 1989. 376.

Polupan, K. L. (2017). Rekonstrukciya deyatelnosti prepodavatelya vysshej shkoly [Reconstruction of the activity of a high school teacher]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2, 45–51.

Rakitov, A. I. (2018). Vysshee obrazovanie i iskusstvennyj intellekt: ejforiya i alarmizm [Higher education and artificial intelligence: euphoria and Alarmism]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 27(6), 41–49.

Sorokina, N. YU. (2017). Razvitie konceptual'nyh osnov ustojchivogo razvitiya [Development of the conceptual foundations of sustainable development]. *Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Kachestvo distancionnogo obrazovaniya, novye tekhnologii upravleniya biznesom: koncepcii, problemy, resheniya" [Proc. 18th Int. Scientific and Practical Conf. "The quality of distance education, new business management technologies: concepts, problems, solutions"]*. Zhukovskij, 70–72.

The agenda for the XXI century. UN Official Website. (n.d.) Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (accessed 08 February 2022).

Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the UN General Assembly on September 25, 2015. (n.d.) Available at: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (accessed 02 February 2021).

Trubnikova, E. I., Trubnikov, D. A. (2018). The Problem of Institutional Corruption in the System of Higher Education. In *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 27(12), 29–38. DOI: 10.31992/0869–3617–2018–27–12–29–38